

А

А. О. Корнилович

Андрей Безыменный

Старинная повесть

Предслава и Добрыня: Исторические повести русских романтиков / Сост., авт. вступ. статьи и коммент. В. Ю. Троицкий. -- М.: Современник, 1986.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Глава I

Была осень. Лес в окрестностях Валдая, верстах в двух от большой дороги из Петербурга в Москву, находился в оцеплении. Охотничьи рога, свист арапников, шум листьев от конских копыт, лай, визг, вой лягавых, когда несшихся по опушке, когда уходивших в глубину рощи, по мере того как след зверя гороховел, стыл, терялся, изумляли слух дикой смесью разнородных звуков. Везде деятельность, живость, быстрота. Поднимали зверя на поляну, где, держа на сворах беспокойных от нетерпения гончих, находились верхом на известных расстояниях охотники, окрестные помещики, полевавшие в угодьях окольного Ивана Семеновича Горбунова-Бердышева. Сам он в середине, окруженный доезжачими, на лихом аргмаке под турецкою сбруей, с неугасшим от лет пламенем в очах, ожидал появления добычи. Но вместо зверя показалась на дороге из лесу телега, в коей сидело двое мужчин. Едва въехала она на поляну, старший, в некрытом овчинном тулупе, остановил лошадей, соскочил с телеги, снял шапку и, будто занявшись поправкою хомутов, внимательно рассматривал лица охотников. Младший, по-видимому лет двенадцати, окутанный шерстяным платком, обратил взоры на погоню за выскочившими в это самое время из пороши двумя зайцами.

Лов был удачен. Между тем вечерело. Раздался звук рога, возвестивший конец охоте. Ловчие, сомкнув и сосворив гончих, отправились вперед с тороками, тяжелыми от затравленных зайцев, лисиц; за ними в другом поезде владелец села Воздвиженского с деревнями и его соседи. С появлением барина высыпали на двор конюхи для принятия лошадей. Гости разошлись по своим комнатам, дабы, переодевшись, вздохнув, собраться снова и увенчать тревоги дня веселым ужином. Иван Семенович, прежде чем скинул охотничий наряд, подошел, по обычаю, к окну посмотреть, как проводят по двору коней, и видит, что телега, которую заметил еще на охоте, остановилась у ворот. Мужчина в тулупе, привязав вожжи к одному из колец, коими тогда усеяны были заборы наших барских домов, без шапки, держа за руку спутника, пробирался вдоль боковых строений к господским хоромам. Иван Семенович свистнул.

-- Кто приехал? -- спросил он у вошедшего на призыв слуги.

-- Из Тихвина, от Александра Семеныча, Николай Федоров.

-- От братца Александра Семеныча? -- повторил с изумлением барин.

-- Точно так-с,-- отвечал слуга.

-- Послать сюда Федорова.

Вошел рослый, плотный, румяный мужчина, коснулся челом земли и, по преимуществу людей дворовых, поцеловав руку господина, подал перевитый шелковинкою свиток с висевшей восковой печатью.

-- Что скажешь, Николай Федоров?

-- Александр Семеныч приказал долго жить.

-- Братец скончался? -- прервал Горбунов.-- Упокой, господи, его душу! -- промолвил, вздохнув и с крестом, обратившись к образу. Затем развернул свиток и вполголоса прочел следующее:

"Государь братец, Иван Семенович! Десять лет ложный стыд удерживал меня от сознания, что я оскорбил тебя, и господь тяжко наказал медлившего. Наконец, ложаюсь в могилу, готовый предстать перед судиею праведным, прошу тебя, отпусти мне вину -- прости кающемуся! Посылаю тебе своего Аидрюшу, одно, что осталось от нашей Веры, потому что она была твоя сердцем, хотя мне принадлежала по закону. Ее именем, по ее последней заповеди, заклинаю тебя, будь отцом и матерью сироте: яви на сыне примирение с тенью родителя".

Горбунов кончал чтение письма, когда Андрюша, вошедший между тем в комнату, облобызал его

А